

Демография, оптимизм...

чувство.

За исключением небольшого числа идеологизированных специалистов, пропагандирующих «рыночную» реформу, обществоведы сходятся в том, что Россия втянулась в демографическую катастрофу.

В 1993 г. в издательстве «Наука» вышла книга «Население Советского Союза. 1922-1991». Написана она была в конце 1991 г. Это максимально полное изложение динамики демографических процессов в нашей стране, хотя и с сильным антисоветским идеологическим флером – время было такое. Для нас здесь важна гл. 11 – «Взгляд в будущее». Здесь даны три варианта прогноза на 2000 г. – «оптимистический», «пессимистический» и «демографическая катастрофа». Последний вариант считался маловероятным. Более того, оптимистическим был и прогноз ООН для СССР. В докладе «World Population Prospects. 1988» (N.Y., 1989, p. 555) продолжительность жизни в 2005-2009 гг. должна была составлять у нас 70,4 года для мужчин и 78,2 года для женщин.

Что же авторы обозначили термином «катастрофа»? Снижение ожидаемой продолжительности жизни мужчин-горожан в 1995 г. до 63,1 года (с 65,4 года в 1988 г.). А что же произошло в результате реформы? Уже в 1994 г. этот показатель упал до 57,9 лет! На 4,2 года жизни ниже того, что считалось катастрофой. Всего за два с половиной года после написания книги – но такая катастрофа даже в воображении не могла привидеться ученым-демографам. Так что катастрофа – научное и подтвержденное опытом определение нашего состояния.

Это же ощущение катастрофы разлито и в широких слоях общества – среди людей, далеких от точного знания, которые судят просто по числу детских колясок на улицах и в скверах и по числу беременных женщин в метро и автобусе. В упомянутой книге демографы в прогнозе «демографическая катастрофа» считали, что рождаемость в городе упадет с 15,4 (на 1 тыс. населения) в 1988 г. до 10,8 в 1995 г. На деле же она упала до 8,6! Поскольку в мышлении нашей интеллигенции силен евроцентризм и считается, что Россия после 1991 г. наконец-то пошла «правильной дорогой» вслед за Западом, естественно, возник интерес к тому, что происходит с рождаемостью на Западе. Этот интерес подогревается и рядом российских и западных демографов, которые как раз и отвергают тезис о демографической катастрофе в России на основании того, что и на Западе

наблюдается спад рождаемости. Мол, верным путем идете, господа-товарищи! Низкая рождаемость – признак богатства, и этот признак Россия в ходе реформы уже приобрела. Ну, само богатство слегка задерживается, но объективные законы общественного развития ему не обмануть – придет, как миленькое.

Просто отбросить эти утверждения как пропаганду «реформаторов» невозможно. Нам действительно необходимо осмыслить опыт Запада, ибо в нынешнем реформировании России у Запада заимствовано очень многое, причем гораздо более фундаментальное, нежели «богатство». Ложным в этой пропаганде является необоснованное приращение «богатству» статуса причины сокращения рождаемости. Да, корреляция может быть, а причинно-следственной связи нет. Правильнее рассуждать так: в ходе реформы мы, очевидно, не переняли у Запада его умения «быть богатыми», но переняли нечто такое, что на Западе привело к падению рождаемости. Вот это «нечто» и надо искать. Ведь вдвойне обидно будет нам в поисках этого западного умения вымереть, богатством даже не насладившись – просто оттого, что глотнули из западного котла какой-то дряни, не разобравшись.

Это – общее предположение, и в этом смысле наша катастрофа может иметь общие с Западом причины. Если же говорить о конкретном историческом моменте, о последних 12 годах в России, то, конечно, надо отвергнуть успокаивающие заверения демографов-«рыночников». То, что происходит в России, по своему типу никак не напоминает процесс, происходящий на Западе. Уже по форме кривой, отражающей эти процессы, видно, что мы переживаем именно катастрофу – резкий разрыв непрерывности, перелом демографической ситуации в течение одного года, явление уникальное в истории.

Авторы упомянутой книги пишут: «Можно с уверенностью сказать, что дальнейшее углубление социально-политического и экономического кризиса, падение жизненного уровня населения, дезинтеграция страны, утрата опоры на социальные структуры, воцарение незащищенности индивидуума в наступающем социально-политическом и экономическом хаосе, утрата надежд на нормализацию ситуации повлекут за собой демографическую катастрофу... Грозные признаки такой катастрофы уже различимы в демографической динамике последних двух лет... Несомненно, динамика рождаемости за последние 2,5 года есть реакция на социально-экономический кризис... Прошлое пока не дает нам аналогичных

примеров. Еще ни одна страна, ни одно общество, в котором деторождение хорошо регулируется на уровне семьи, не переживало в мирное время такого кризиса» (с. 109-110).

Так что слом произошел у нас вследствие реформы, а не вследствие постепенного снижения рождаемости от «благополучной жизни», как на Западе. Результаты реформы известны – резкое обеднение большинства, разрушение важнейших систем жизнеобеспечения, острая нестабильность и страх перед социальными бедствиями. Все это важные факторы, и все же я бы сказал уклончивее: да, наша демографическая катастрофа вызвана реформой. Нельзя же закрывать глаза на то, что в результате развала СССР и реформ жители Узбекистана и Таджикистана обеднели гораздо сильнее, чем жители РФ, и сильнее ударила по ним политическая нестабильность – а уровень рождаемости там заметно вырос. Почему же? Потому, что они не глотнули из «западного котла» то, что глотнули народы европейской части страны – или сумели эту дрянь выплюнуть. По ним и видно, что крайняя бедность и нехватка средств к жизни определяют не столько рождаемость, сколько выживаемость детей.

Так что не непосредственно социальными бедствиями реформы вызвана наша демографическая катастрофа, а тем, что реформа перенесла на нашу почву нечто такое, прямо не связанное с богатством или бедностью, что вызвало взрывное падение рождаемости. И этот взрывной, катастрофический характер означает «сжатие» во времени того процесса, который на Западе растянулся на полвека. Нас просто обязали пробежать, догоняя Запад, этот путь за десять лет.

Вот об этом «нечто» и поговорим.

Итак, демография регистрирует убыль коренного населения в развитых странах Запады по причине резкого сокращения рождаемости. В настоящее время рождаемость здесь снизилась до отметки 1,5 ребенка на женщину, а в Европе — до отметки 1,34. В некоторых странах Европы, в частности, в Италии уровень рождаемости 1,1. Уровень рождаемости, необходимый для простого воспроизводства населения, составляет 2,1 рождения на женщину.

В прессе можно прочитать такие прогнозы: «Европа исчезает как социо-культурный организм, к 2050 г. она сократится на 100 млн. человек» (без учета иммиграции – на 120 млн.). В США дело несколько лучше, но тенденция та же самая. Все страны Запады пытаются восполнить спад рождаемости «импортом людей» – допуском иммигрантов. Европейский рекорд держит Швейцария, где каждый пятый житель - иностранец. В ФРГ живет 10 млн. турок, но, по расчетам демографов ООН, к 2050 г. население страны сократится с 82 до 58,8 млн. человек. Всего в странах Западной Европы в 1999 г.

родились около 4 млн. детей, причем 3 млн. - у иммигрантов.

Что же вызывает у людей удивление? Тот факт, что на Западе, в общем, достигнут высокий уровень личного благосостояния («потребления»). Казалось бы, заводи детей – ведь всех их можешь прокормить, обеспечить им хорошее образование, здравоохранение и прочие блага. Так нет, не рожают – а в это время в бедных странах семьи охотно производят новую жизнь, радуются детям, даже впроголодь, даже переживая горе смерти ребенка.

И становится чуть ли не общепризнанным вывод, что материальное благополучие подавляет материнский «инстинкт». Мол, бедному-то все равно, у него дети – единственная утеха. А перед женщиной современного Запады все дороги открыты - эмансипация, карьера, свободная любовь, сплошной постиндустриализм. И кажется даже благоразумным решением, что женщина стала откладывать материнство на более поздний возраст или даже вовсе отказываться от рождения детей. Как говорят, «западная семья сегодня – это 3 автомобиля и 1 ребенок».

Мне кажется, весь этот ход рассуждений неверен. Известно, например, что население богатых исламских стран (Саудовской Аравии и т.п.) вовсе не следует примеру Запады. Более того, и на самом Западе небольшое богатое меньшинство вовсе не собирается «вымирать» - многодетные семьи там обычное дело.

Утрата «материнского инстинкта» – болезнь именно среднего класса буржуазного общества. И болезнь эта является болезнью духа, прямо не предопределяемой уровнем материального благосостояния. Эта болезнь среднего класса является «заразной», в ходе вестернизации она распространяется и среди тех слоев населения бедных стран, которые возомнили себя средним классом и приняли его мировоззренческие установки – даже если по западным меркам их можно было бы причислить к бедноте.

В декабре 2000 г. я был в Уругвае на совещании экспертов ООН, и как раз в те дни там произошло событие, которое очень взволновало общество. Уругвай – небольшая страна, оазис благополучия в Латинской Америке. Там почти изжита бедность, чем гордятся и либералы, и социал-демократы, по очереди меняющиеся у власти. И вдруг был опубликован доклад, согласно которому более 50% детей в Уругвае проживали ниже уровня бедности. Это всех просто потрясло, возникли жаркие дебаты. Выяснилось, что рождаемость в семьях среднего класса упала настолько, что основная масса детей оказалась в семьях бедного меньшинства. Благополучная («европейская») часть населения Уругвая вымирает, а бедная часть быстро растет – при отсутствии экономического кризиса.

Средний класс – основа буржуазного общества, генератор и носитель «духа капитализма». Очень богатое меньшинство давно приобрело характер замкнутого сословия, почти аристократии, оно утратило «буржуазность» и протестантскую этику. Что же характерно для мироощущения среднего класса? Для нашей темы самая важная его черта – пессимизм. На Западе даже говорят антропологический пессимизм, и в этом определении много смысла. Это – неверие в человека, в его благое предназначение, в его причастность Добру.

Ницше сказал западному обывателю: «Бог умер! Вы его убийцы, но дело в том, что вы даже не отдаете себе в этом отчета». Причины этого пессимизма многообразны, но на Западе в момент становления буржуазного общества они ударили по человеку одновременно – чего не произошло в других культурах. На мышление человека Запада наложились несколько «волн страха»: страх перед Страшным судом и адом раннего Средневековья, страх перед чумой XIV века, а затем «страх Лютера» времен Реформации и последующий за ним страх, вызванный разрушением общины. На источник этого «страха индивида» указывает психолог Э.Фромм: «Человек, освободившийся от пут средневековой общинной жизни, страшился новой свободы, превратившей его в изолированный атом». Разрушение общины совпало на Западе со сменой картины мира. За двадцать тысяч лет цивилизации человек остался существом с сильным космическим чувством, с ощущением себя в центре Вселенной как родного дома. Он воспринимал Природу как целое, а себя – как часть Природы. Все было наполнено смыслом, все связано невидимыми струнами. Наш поэт-философ Державин так определил место человека в Космосе:

Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества...
Я связь миров повсюду сущих,
Я крайняя степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;

Научная революция разрушила этот образ: мир предстал как бездушная машина Ньютона, а человек – как чуждый и даже враждебный Природе субъект. Это было тяжелое потрясение, из которого родился европейский нигилизм и пессимизм (незнакомый Востоку). Когда читаешь Ницше и Шопенгауэра, поражаешься: откуда столько грусти? Шопенгауэр сравнивал человечество с плесенным налетом на одной из планет одного из бесчисленных миров Вселенной. Эту мысль продолжил Ницше: «В каком-то заброшенном уголке Вселенной,

изливающей сияние бесчисленных солнечных систем, существовало однажды небесное тело, на котором разумное животное изобрело познание. Это была самая напыщенная и самая лживая минута «всемирной истории» – но только минута. Через несколько мгновений природа заморозила это небесное тело и разумные животные должны были погибнуть».

Реформация не только разъединила людей и превратила человека в атом (индивида), но в своем радикальном выражении (кальвинизм), прямо отняла у людей веру в спасение души – для вечного блаженства предназначены лишь «избранные». Вот фундаментальное утверждение кальвинистов (1609 г.): «Хотя и говорят, что Бог послал Сына своего для того, чтобы искупить грехи рода человеческого, но не такова была Его цель: Он хотел спасти от гибели лишь немногих. И я говорю вам, что Бог умер лишь для спасения избранных».

Макс Вебер в своем главном труде «Протестантская этика и дух капитализма» пишет: «Это учение в своей патетической бесчеловечности должно было иметь для поколений, покорившихся его грандиозной последовательности, прежде всего один результат: ощущение неслышанного дотоле внутреннего одиночества отдельного индивида... Вместе с тем эта отъединенность является одним из корней того лишенного каких-либо иллюзий пессимистически окрашенного индивидуализма, который мы наблюдаем по сей день в «национальном характере» и в институтах народов с пуританским прошлым» (М., 1990, с. 142, 144).

Понятно, что решение родить ребенка – это акт любви, желания человеческой близости, веры в счастливое будущее этого ребенка и в спасение его души.

«Пессимистически окрашенный индивидуализм» сильнейшим образом подавлял этот порыв, и как только во второй половине XX века появились простые и эффективные противозачаточные средства, число рождений пошло на убыль.

Этот индивидуализм был и прямо направлен против семьи. Вот, в изложении Вебера такое место из самой распространенной книги пуритан: «В ней описывается, как некий «христианин», осознав, что он находится в «городе, осужденном на гибель», услышал голос, призывающий его немедленно совершить паломничество в град небесный. Жена и дети цеплялись за него, но он мчался, зажав уши, не разбирая дороги и восклицая: «Life, eternal life!»... И только после того, как паломник почувствовал себя в безопасности, у него возникла мысль, что неплохо бы соединиться со своей семьей» (с. 145).

Нам трудно понять, но в спорах с католиками протестанты отстаивали тезис об изначальной порочности детей, и это сказало на светской социальной практике. Шотландские пуритане даже

не допускали к крещению детей тех, кто «отвергнут Богом» (например, пьяниц). Даже в XX веке приютских детей Амстердама вели по праздникам в церковь в шутовском двуцветном наряде. Как пишет Вебер, это «назидательное зрелище... служило во славу Божью именно в той мере, в какой оно должно было оскорблять «человеческое» чувство».

Трудно нам понять, что кальвинизм с его учением о предопределенности (делении людей на избранных и отверженных) привел, как говорят, к внутреннему освобождению индивида от «естественных» уз. Вебер пишет о знаменитом письме герцогини Ренаты д'Эсте Кальвину, где она признается, что возненавидела бы отца или мужа, если бы узнала, что они принадлежат к числу отверженных. Но, поскольку узнать это невозможно, приходится подозревать и отца, и мужа, и будущих детей.

Мы видим, что этот пессимистический духовный фон жизни на Западе стараются подавить различными способами. Иногда этому способствуют периоды процветания, иногда, наоборот, кризисы и даже бедствия типа войн. Иногда массу людей увлекают приступы фанатизма, как во времена фашизма, в благополучное время – сексуальные революции или приступы потребительской лихорадки. Но за все этим Э.Фромм видит нарастающую некрофилию – так он называет то проявление антропологического пессимизма, которое выражается в неприязни к живым структурам, к зарождению и пестованию жизни. И напротив, тягу к разрушению или хотя бы к зрелищу и вообще образу разрушения, что красноречиво отразилось в культуре (кино, телевидение, музыка, мода).

Известно, что православное общинное мироощущение было жизнерадостным. Оно было устремлено к Граду Китежу и было наполнено верой в лучшее будущее. И дело тут не в классовых корнях – очень важно наблюдение А.В.Чаянова: в русском крестьянстве совершенно не было мальтузианства, запрета на «размножение бедных», а в сознании крестьянства Франции оно было очень сильно. Еще более жизнерадостным было космическое чувство советского человека – мы именно обладали «уверенностью в завтрашнем дне», что никак не сводилось к сытости.

Исследователь фашизма Л.Люкс пишет по этому поводу: «Коммунисты не поняли европейского пессимизма, они считали его явлением, присущим одной лишь буржуазии... Теоретики Коминтерна закрывали глаза на то, что европейский пролетариат

был охвачен пессимизмом почти в такой же мере, как и все другие слои общества. Ошибочная оценка европейского пессимизма большевистской идеологией коренилась как в марксистской, так и в национально-русской традиции».

На короткий период и в сознании народов Центральной Европы, втянутых в орбиту «советского лагеря», были ослаблены страхи и возобладал антропологический оптимизм. Инерция его велика, ее не могут подавить даже «рыночные реформы» и демонтаж структур солидарного общества. С 1988 года по 1999 год в 24 странах мира проходило так называемое «Обследование рождаемости и семьи в странах, входящих в зону Европейской экономической комиссии». Вот вывод: «Распределение женщин по числу рожденных детей показало заметные различия в репродуктивном поведении всех изучаемых возрастных когорт между странами с традиционно рыночной экономикой и бывшими «социалистическими» странами Восточной Европы».

Но там, где население радикально вырвали из «полусоветского» состояния и вернули в лоно «среднего класса», в отношении к рождению детей произошла духовная катастрофа. Это показал опыт ГДР. Ежегодно в бывшую ГДР в виде помощи «осси» вкладывается по 100 млрд. марок. Вот счастье! Но в 1994 г. был опубликован важный доклад: за четыре года после поглощения ГДР рождаемость на этих землях упала более чем вдвое! Как сказано в сообщении агентства «Эфе», излагающем данные доклада, «социальная нестабильность и отсутствие будущего привели к головокружительному росту добровольной стерилизации восточных немцев — более чем на 2000% за четыре года».

Формулировка неверна – социальная стабильность и сытость как раз были обеспечены этими миллиардами марок. Вернулся западный страх, страх перед бытием, антропологический пессимизм. Именно глотнув этого страха и этого пессимизма, перестали рожать и русские женщины – реформаторам на время удалось подавить в нашей молодежи веру в будущее.

Если мы соберемся с силами и стряхнем с себя это наваждение, жизнь снова зацветет на нашей земле. Первый удар мы выдержали, духовное выздоровление начинается. Укрепимся духом – наладим и хозяйство. И все прогнозы ЦРУ о глубоком вымирании русского народа пойдут насмарку.

С.Г. Кара-Мурза